

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(35)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.48-63

ХАЗАРАПАТ В ИМПЕРИИ АХЕМЕНИДОВ: ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИК ИЛИ ДОКЛАДЧИК?

Е.С. Онищенко

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию должностных обязанностей *хазарапата* (*hazarapatiš*) при дворе Ахеменидов и соотношения терминов «тысяченачальник» (*хилиарх*, *χιλίαρχος*) и «докладчик» (*исангелей*, *εἰσαγγελεύς*), являвшихся на разных этапах развития античной письменной традиции определяющими для данного персидского титула. Если в трудах древнегреческих авторов классического периода, включая Ктесия Книдского, *хилиарх* упоминается у эллинов исключительно в военном контексте, то в последующие эпохи его все чаще начинают воспринимать одновременно в качестве телохранителя персидского царя и *исангеля* при процедуре аудиенции, наделяя его широкими политическими полномочиями. В действительности же *хилиархи* никогда не совмещали эти две обязанности, оставаясь лишь командирами своих воинских подразделений, состоящих из тысячи человек, и, по всей видимости, проверяли царских посетителей на благонадежность перед аудиенцией. Другой же царский придворный – *исангелей* – должен был осведомлять царя о целях прибывавших ко двору людей. Он отвечал за встречу и информированность посетителя о правилах этикета и персидских обычаях, которые последний должен был соблюдать под его надзором.

Ключевые слова: Ахеменидская империя, хазарапат, хилиарх, исангелей, Ахеменидский двор, древнеперсидские аудиенции

Наиболее значимой, но при этом дискуссионной для исследователей ахеменидской и эллинистических монархий остается тема функций и обязанностей древнеперсидского придворного, носившего титул «хазарапат» (*hazarapatiš*) [1], которого греки идентифицировали как *хилиарха* (*χιλίαρχος/χιλίαρχης*) [2], или «командира тысячи». Само слово *хазарапат* не встречается в древнеперсидских текстах времен Ахеменидов. Впервые оно употребляется Ктесием Книдским в форме *азабарум* (*ἄζαβαρίτης*) на рубеже V–IV вв. до н. э. (Ctes. *FGrH*. 688. F.15.49), после чего мы встречаем другой вариант написания слова в лексиконе Гесихия Александрийского – *азарапат* (дается в форме множественного числа – *ἄζαπαλατεῖς*) – в V–VI вв. н. э. (Hesych. 1441, s.v. *ἄζαπαλατεῖς*). М. де Ла Кроз и П. де Лагард находят аналогичный термин в армянском языке – *хазарапет* (*hazarapet*), встречающийся в источниках II–V вв. н. э. [3, с. 17; 4, р. 142–143]. Э. Бенвенист же связывает все эти слова с созданной Ахеменидами десятичной системой деления воинских подразделений и полагает, что древнегреческий и

армянский варианты слова калькируют именно иранский оригинал. Причиной такого заимствования является высокая степень влияния иранской культуры на соседние регионы [5, р. 67–70].

В историографии так и не сложилось четкого понимания функций *хазарапата/хилиарха*, а крайне разрозненные и фрагментарные сведения античных авторов порождают большое количество вопросов о его должностном статусе, положении в иерархии, политической роли, степени влияния на великих царей и его двор и т. д. По мнению ряда исследователей, за *хилиархом* были закреплены как минимум две обязанности: он был командующим особого подразделения армии великого царя – тысячи гвардейцев, которых древние греки называли копьеносцами (*δουροφόροι*), или же мелофорами (*οἱ μηλοφόροι*) – «носителями яблок», и которые являлись частью элитных сил персидской армии – 10 тысяч «бессмертных» (*ἀθάνατοι*) [4, р. 101, 143; 6, р. 258; 7, р. 217]. Именно *хилиарху* приписывают статус первого телохранителя и ответственность за защиту жизни царя от внешних угроз [8, р. 31]. Помимо этого, он руководил процедурой проведения царских аудиенций, встречая посетителей и объясняя им правила этикета во дворце. Нередко греки называли такого человека *исангелеем* (*εἰσαγγελεύς*), то есть «докладчиком». Как мы увидим далее, подобная должностная интеграция не всегда находит свое отражения в исторических источниках и удаляет нас от понимания деталей придворной жизни Ахеменидов. Поэтому в настоящей статье мы обратимся к этим источникам в комплексе, чтобы определить сущность должностных обязанностей *хилиарха* в персидском придворном обществе и понять, почему античные авторы расходятся во мнениях при их описании. Стоит также обозначить несколько источниковых проблем, которые затрудняют поиск ответа на обозначенные вопросы: первая, как уже было упомянуто, – неоднозначность в свидетельствах античной письменной традиции, особенно в ранний период истории Ахеменидской империи; вторая – отсутствие сведений из источников самой Древней Персии; третья – сложность в отделении политических практик древнеперсидской монархии от таковых в эллинистический период.

В XX в. у многих исследователей истории Ахеменидов (Ю.П. Юнге, А.Т. Олмстеда, Дж. Кука, М.А. Дандамаева) сформировалось представление о том, что *хазарапата/хилиарха* по своим придворным функциям и полноте политической и административной власти схож с Великим визирем времен Османской империи: он выступает руководителем всего придворного общества, в его руках сосредоточена экономическая власть благодаря контролю над казначейством, его политическое влияние обусловлено ролью командующего элитной царской гвардией, а управление процедурами аудиенции, с учетом предыдущего, фактически передает в его руки жизнь самого монарха [4, р. 144; 7, р. 217; 9, р. 29–36; 10, с. 295]. Более того, Ф. Юсти была предпринята попытка, позднее скорректированная Ю.П. Юнге, идентифицировать носителя рассматриваемого титула в ахеменидской иконографии на рельефах лестниц царского дворца Ападаны в Персеполе [9, р. 15–16; 11, р. 659–660]. По мнению ученых, именно эта фигура совершает *проскинесис* (поднесение руки ко рту с незначительным наклоном тела) перед царем, сопровождая посетителя во время аудиенции. Главным же идентификатором послужил короткий посох в его руке – отличительная черта *исангелеев*, или *скипетродержцев* (*σκηπτοῦχοι*). Как следствие, три упомянутых должностных лица считаются персидскими *хазарапатами*.

Чтобы подчеркнуть высокий статус в иерархии *хилиарха*, вышеупомянутые исследователи ссылаются в основном на два фрагмента из античных источников. Первый – сообщение Диодора Сицилийского, по всей видимости цитирующего Иеронима Кардийского, о том, что «впервые пост и звание *хилиарха* приобрели славу и почесть благодаря персидским царям, затем *хилиарх* вновь был наделен большой властью и авторитетом при Александре, когда тот стал подражать и другим персидским обычаям» (Diod. XVIII. 48. 5). Если опустить детали и контекст, поскольку речь идет уже о времени борьбы диадохов, приведенный отрывок красноречиво демонстрирует высокий статус *хилиарха* при дворах как Ахеменидов, так и эллинистических династий позднее. Также подчеркивается, что Александр Великий являлся преемником именно персидской царской традиции в этом вопросе. Второй пассаж, за авторством Корнелия Непота, посвящен временам персидских царей: автор характеризует Тифравста – *хилиарха* царя Артаксеркса II – как второе лицо в государстве (*secundum gradum imperii tenebat*) (Nep. Con. 3. 3). И хотя автор акцентирует внимание именно на могуществе самого Тифравста, само выражение действительно может навести на обобщающую мысль о величии и высоком статусе *хилиарха* в иерархии.

Параллель между персидским *хазарпантом* и Османским визирем подверглась серьезной критике уже на современном этапе исследований. Так, П. Бриан по причине недостаточной информативности источников отрицает приписываемую *хилиарху* предшествующими учеными власть над всем центральным аппаратом империи, сужая ее до функций сопровождающего тех, кто посещает царский двор при аудиенциях (то есть до функции *исангелея*) и руководства *мелофорами*. Помимо этого, П. Бриан отвергает мысль о том, что именно *хилиарх* изображен на персидских рельефах Ападаны, хотя и не высказывает конкретных причин [12, p. 291–296].

Аргументация Ю.П. Юнге и Ф. Юсти, основанная, по большому счету, лишь на высоком статусе *хилиарха* при дворе и атрибутике, которая не находит никаких параллелей в письменных источниках, действительно, вызывает сомнение в том, что на рельефах изображен именно *хилиарх*. Немногим более убедительным видится другое объяснение. Если обратиться к рельефам с изображениями аудиенции южного и восточного портиков здания казначейства в Персеполе, то на них можно увидеть фигуру сановника, стоящего перед курильницами с благовониями и совершающего *проскинесис* (жест почтения) по направлению к царю. Сановник одет в мидийский традиционный костюм, а в левой руке он держит короткий скипетр, который, вероятно, идентифицирует его как исполнителя царской власти. На его правом боку к ремню пристегнуты ножны с коротким мечом. И в отличие от самой удаленной фигуры оруженосца царя, которая находится позади трона и ножны меча которой направлены вправо, у сановника они смотрят в левую сторону. Положение ножен, при котором они направлены вправо, по всей видимости, позволяло носителю оружия беспрепятственно вынимать его в случае необходимости [13, p. 163–170]. Следовательно, для стоящего перед царем сановника быстрый доступ к оружию не был первостепенной задачей. Подобное положение вещей, на наш взгляд, полностью лишало бы *хилиарха* возможности выполнять свою главную функцию при дворе. В контексте же сцены, изображенной на рельефах, мы можем предположить, что сановник выполняет функции *исангелея* – проводит гостя на аудиенцию или сообщает царю послание. Таким образом, и в данном случае мы не спешим ставить знак равенства между *хилиархом* и *исангелеем*.

А. Кивни, в свою очередь, не находит противоречия в отождествлении должностей *хилиарха* и *исангеля*. Для исследователя обе функции в рамках одной должности, скорее, дополняют друг друга, что приводит в конечном счете к росту политического влияния *хилиарха* при дворе: от административной (охранной) функции в своей первоначальной форме до практически субъектно-политической, выраженной в возможности оказывать влияние на процесс, к примеру, престолонаследия. Факторами столь резких перемен, начавшихся в период правления Ксеркса I, стали, во-первых, слабо организованные принципы престолонаследия династии Ахеменидов, а во-вторых – политика изолированности царей от внешнего двора. Вследствие того, что *хилиархи* держали под контролем поток сообщений и принимали решения о допуске тех или иных посетителей в присутствие царя, они первыми получали информацию о всевозможных делах государства и это давало им существенное преимущество перед прочими представителями ближнего круга, а также позволяло оказывать воздействие на политические решения, принимаемые царем [14]. И если неустойчивая легитимация передачи власти действительно могла повлиять на кратковременное укрепление положения *хилиарха* при дворе за счет его участия в захвате власти новым монархом, как это было с ролью Меностана в заговоре против Ксеркса II в 424 г. до н. э., то практика изоляции Ахеменидов, по крайней мере на данном этапе исследований, не отражает исторической действительности, поскольку *хилиарх* был лишь одним из многих информаторов царя¹, а политика изолированности до сих пор является предметом дискуссий среди историков [15, р. 220–222]. Как бы то ни было, попытка проследить развитие должности *хилиарха* в античной письменной традиции не кажется нам бесперспективной, поскольку это может прояснить взгляды древних авторов на их трансформацию по мере накопления знаний о дворе Великих царей.

Несмотря на то, что наши сегодняшние знания о ранней истории придворной жизни Ахеменидов остаются крайне неопределенными, существует несколько гипотез о появлении титула *хазарапат* у древних персов. Так, М.Л. Шомон, опираясь на сведения Геродота, возводит его к мидянам [16, р. 140], а следовательно, персы выступают здесь в качестве преемников. А. Кивни же полагает, что институт древнеперсидской *хилиархии* возник при дворе персидских царей еще во времена Кира Великого, заимствуя мидийский опыт [14, р. 499]. Однако никаких документальных свидетельств, кроме уже названного отцом истории, который не называет ни одного из своих персонажей *хилиархом*, у нас нет. Возникает вопрос: знал ли Геродот о *хилиархах*? Исходя из сохранившихся свидетельств, в эллинской письменной традиции первым *хилиарха* упоминает Эсхил при описании персидского войска в битве при Саламине:

*Но Артембара – десять тысяч конников
Он вел – прибой качает у Силенских скал.
И с корабля Дедак, начальник тысячи,
Слетел пушинкой, силе уступив копьѣ².*

(Aesch. Pers. 302–305)

¹ Вероятно, по Геродоту, «глаза и уши» царя также выступали в роли осведомителей.

² Перевод С.К. Апта.

В том, что Геродот был знаком с произведениями Эсхила, нет никаких сомнений (Hdt. II. 156). Важно также отметить тот факт, что историк ничего не сообщает и о персидском наименовании титула *хилиарха*, как он делал это, к примеру, в случае упоминания о персидской должности благодетелей царя (здесь он передает эту должность как ὀροσάγγαι) (Hdt. III. 140; VIII. 85) [17; 18]. Поэтому остается полагаться лишь на гипотезу о том, что он по тем или иным причинам не считал уместным использовать древнеперсидское обозначение *хилиарха* в своей «Истории».

В качестве должности командующего *хилиарх* выступает у Ксенофонта в его «Киропедии». По его словам, армия Кира II имела градацию подразделений от низших к высшим в следующем виде: πεμπάδαρχος – начальник πεμπάς (пятерки), данная военная единица представляла собой совокупно шесть бойцов; две πεμπάς составляли δεκάς (десятка) и подчинялись одному из двух πεμπάδαρχος, называемому δεκάδαρχος; следующим подразделением являлся λόχος, состоявший из двух δεκάς под руководством λοχαγός; далее, четыре объединенных λόχος представляли собой τάξις (сотня) с ταξίαρχος во главе; десятка сотен образовывала полк из тысячи воинов – χιλιοστύς, которым командовал интересующий нас χιλίαρχος; наивысшим же звеном в данной иерархии был μυριοστύς (десять тысяч), под предводительством μυρίαρχος (Хен. Сур. II. 22–23). Каждый из означенных командующих должен был пристально следить за соблюдением обязанностей всеми порученными ему боевыми формированиями. Как мы можем наблюдать, *хилиархи* (а их в данном случае десять на одно крупное объединение) занимают в этой вертикали не первое место, а имеют над собой старшего по званию. В случаях, когда командиры были вынуждены оставить свое формирование, к примеру, чтобы присутствовать на воинском совете при царе, их посты временно занимали равные по званию из тех же подразделений (Хен. Сур. III. 11). Помимо активного участия в военных действиях в должности командующих, *хилиархи* выполняли еще одну довольно интересную функцию. Ксенофонт упоминает, что при организации сатрапий и назначении соответствующих административных должностей Кир, чтобы пресечь попытки сепаратизма, оставил за собой главенство над местными военными контингентами: ему подчинялись начальники гарнизонов (αἱ ἄκρα φρούραρχοι) и так называемые «хилиархи страны» (οἱ χιλίαρχοι τὴν χώραν) (Хен. Сур. VI. 6. 1). К сожалению, о последней функции *хилиархов* нет никаких сведений в других источниках [19, p. 132–133]. Однако, учитывая контекст реформы административного деления империи Кира согласно описанию Ксенофонта, можно предположить, что «хилиархи страны» являлись командующими тех воинских частей, которые царь оставлял в целях пресечения восстаний в недавно завоеванных областях. Так или иначе, должность *хилиарха* у Ксенофонта по-прежнему связана с древнеперсидской системой военного командования.

Но даже в отношении последнего факта сведения античных авторов вступают в ряд противоречий друг с другом. В недавней работе, посвященной преемственности придворных практик Ахеменидской империи и обычаев при дворе Александра Македонского, А. Меус выдвинул предположение, что *хилиарх*, хотя и не был связан с персидским административным аппаратом, обладал заметной близостью к царю, поскольку занимал высший командный пост в армии. Вместо многочисленных *хилиархов* Ксенофонта А. Меус предлагает выделять двух

главных *хилиархов* применительно к позднему периоду правления Ахеменидов: дворцового *хилиарха* как начальника *мелофоров*, которого принято называть в современной историографии *par excellence* [20, p. 136; 21, p. 310; 22, p. 393], и равного ему по значимости *хилиарха* во главе элитной конницы царских родственников (συγγενεῖς ἰπτεῖς) (Diod. XVII. 59). Последнюю, согласно Арриану (Arr. Anab. III. 21. 1), возглавлял Набарзан в период правления Дария III. Именно он, в представлении Курция Руфа (Curt. IX–X, XIII), сыграл ключевую роль в заговоре и убийстве царя после поражения при Гавгамелах в 331 г. до н. э., после чего захватил одну из областей Парфии – Гирканию [23, с. 205]. Арриан характеризует его как «хилиарха вместе с Дарием бежавших всадников» (χιλιάρχησ τῶν ζὺν Δαρεῖῶ φευγόντων ἰπτέων), что, по мнению ряда исследователей, связывает его с должностью начальника συγγενεῖς ἰπτεῖς [6, p. 766; 24, p. 17; 25, p. 162]. Однако этим имеющиеся у нас сведения ограничиваются. Кроме Набарзана, античные авторы в качестве *хилиарха* конницы не упоминают никого. Этот факт приводит М. Чарльз к сомнению в существовании упомянутой командной должности, поскольку она непременно должна была быть зафиксирована другими античными авторами в более ранние периоды. Помимо этого, дискуссионным для исследователя остается и другой отрывок из той же книги Арриана, где он называет Набарзана «хилиархом Дария» (ὁ Δαρεῖου χιλάρχησ) (Arr. Anab. III. 23. 4) без каких-либо уточнений. Это могло бы навести нас на мысль, что если Набарзан и был командующим конницы в качестве *хилиарха*, то в статусе он уступал придворному *хилиарху* [22]. И хотя М. Чарльз, на наш взгляд, в целом был прав, он не принял во внимание приведенные выше сведения Ксенофонта. Да, античный историк ничего не сообщает о подобной должности *хилиарха* в армии, но его положение о том, что каждый командующий подразделения находился под руководством военачальника более высокого ранга, наводит на мысль о подчиненности *хилиарха* конницы царских родственников старшему *хилиарху*, которым вполне мог быть и начальник элитной гвардии.

Итак, мы уже получили общее представление о том, какие функции мог исполнять *хилиарх* в военном контексте. И перед дальнейшим анализом стоит сделать два существенных замечания. Первое – фактологическое: несмотря на то, что выше мы неоднократно упоминали о *хилиархе* как о командующем *мелофорами*, античные авторы никогда не употребляли эти термины в одном контексте. Поэтому мы имеем дело с неким умозрительным конструктом: высокая вероятность того, что тысячу *мелофоров* возглавлял *хилиарх*. Второе замечание носит методологический характер: мы не проводим четкой разграничительной линии между обязанностями по охране монарха и участием в боевых действиях. Командующий *мелофорами*, по всей видимости, находился рядом с персидским царем и в мирное, и в военное время. В уже упомянутой битве при Гавгамелах, по словам Диодора, рядом с царем сражались как конница царских родственников, так и *мелофоры* (Diod. 17. 59). Следовательно, *хилиарх* выполнял свои обязанности по охране жизни царя в любой ситуации. По крайней мере, источники этому положению не противоречат.

Теперь же перейдем к сведениям наиболее, на наш взгляд, важного для настоящего исследования автора – Ктесия Книдского. Ктесий упоминает уже названного выше Меностана – соучастника убийства Ксеркса II. После восшествия на престол нового царя Секудиана Меностан становится *азабаритом*

(ἀζαβαρίτης) (Ctes. *FGrH*. 688. F.15.49). Суть его должностных обязанностей нам неизвестна, однако, во-первых, судя по тому же Ктесию, Меностан был знатного рода, поскольку его отец, Артарий, исполнял обязанности сатрапа Вавилонии и являлся братом царя Артаксеркса I (465–424 гг. до н. э.); во-вторых, он участвовал в сражении против восставшего в Сирии Мегабиза, где был ранен и потерпел поражение (Ctes. *FGrH*. 688. F.14.41). Также сообщается, что он по значимости уступал Багоразу, вероятно евноху, но без уточнений, при каком царе и в каком статусе. Сам Багораз явно был связан с армией, поскольку после его казни Секудианом армия возненавидела царя (εμίσοῦν αὐτὸν). Учитывая тот факт, что заговор против Ксеркса был осуществлен во дворце, пока царь был пьян, можно заключить, что Меностан сделал карьеру во внутреннем круге двора, где и сблизился с Секудианом. По всей видимости, Меностан занимал должность *хилиарха* и являлся командующим *мелофоров*. Раскрыть суть обязанностей Меностана в качестве *азабарита* царя может помочь греческий лексикон Гесихия Александрийского V–VI вв. н. э. Слово *хилиарх* в нем остается без пояснений, но вот *азарапаты* (ἀζαραπαταις) объясняются как «исангилеи у персов» (οἱ ἐισαγγελεῖς παρὰ Πέρσαις). И, как будет видно далее, именно эта функция начинает главенствовать над военной и охранной.

Более поздние авторы также все реже начинают упоминать прочих *хилиархов*, уделяя внимание только фигуре, находящейся близ царя. К примеру, Полиэн в своих «Стратегемах» упоминает *хилиарха* лишь дважды. Первый случай связан с походом Дария I против саков в 519 г. до н. э. Автор называет некоего *хилиарха* Раносбата, который раскрыл замысел сакского лазутчика Сирака заманить персов в ловушку в безводной пустыне. После разоблачения Раносбат казнил сака на месте (Polyaen. VII. 12) [26, p. 282]. Второй же фрагмент представляет больший интерес. Полиэн сообщает обстоятельства прихода к власти Артаксеркса III Оха: «Ох, когда его отец, Артаксеркс, умер, видя, что отец, будучи живым, был грозным с подданными, а после смерти его сам он будет презираемым, с евнохами (τοῖς εἰνοῦχοις), с постельничими (катаκοκισταῖς), и с *хилиархом* (τῷ χιλιάρχῳ) договорившись, скрывал смерть отца в течение десяти месяцев»³ (Polyaen. VII. 17). И в том, и в другом фрагменте слово «хилиарх» использовано в единственном числе. Можно предположить, что Раносбат был одним из *хилиархов* Дария в этом военном походе, и Полиэн просто делает акцент на конкретной персоне, вероятно взятой из какого-то раннего источника, но во втором эпизоде он явно дает понять, что подразумевал под этим словом. В его представлении при персидском царе находился лишь один придворный *хилиарх*, обладавший авторитетом и возможностью получать информацию из первых уст. И мы склонны считать, что это тот же самый *хилиарх*, который обеспечивал личную охрану царя.

Как уже отмечалось, поздние авторы, такие как Диодор и Корнелий Непот, более склонны наделять персидского *хилиарха* большим авторитетом и влиянием при дворе, полагая, что он был чуть ли не вторым после царя лицом в государстве. Так, по словам Диодора, «Антипатр также сделал своего собственного сына Кассандра *хилиархом* и вторым по полномочиям» (Diod. XVIII. 48). С учетом того, что греческий историк воспринимал титул *хилиарха* как заимствованный Александром у Ахеменидов, данный пример вполне отражает взгляды Диодо-

³ Перевод И.В. Косинцевой.

ра, а с большой долей вероятности – и его предшественников (на которые он опирался), на положение *хилиархов* при дворе персидских царей. Более того, в сведениях Диодора полномочия хилиарха заметно расширены, особенно в сравнении с сообщениями Непота и Плутарха. К примеру, посланный Фарнабазом с обвинениями против Тиссаферна к персидскому царю для аудиенции афинский стратег Конон, по словам Непота, первоначально должен был переговорить об этой встрече с *хилиархом* Тифравстом, поскольку без согласия последнего доступ к царю был запрещен. Он аргументирует это следующим образом: «Иди хоть сейчас, но подумай, что для тебя предпочтительнее – изложить дело устно или письменно. Ведь если ты предстанешь перед царем, то тебе придется склониться перед ним ниц (персы называют такой поклон “земным”). Если подобное приветствие тебе в тягость, то столь же успешно ты можешь добиться желанного исхода, передав свое прошение через меня»⁴ (Нер. Соп. 3. 2-3). Конон же, чтобы не навлечь на себя позор, отказывается совершать «земной поклон» и передает послание в письменном виде. С аналогичным препятствием, по сообщению Плутарха, сталкивается и Фемистокл, желавший получить аудиенцию у Артаксеркса I. *Хилиарх* Артабан указывает ему на то, что придется совершить *проскинесис*, после чего он сможет говорить с царем. Однако, в отличие от случая с Кононом, Фемистоклу не предложили альтернативы в виде передачи послания письмом (Plut. Them. 27. 2).

Так или иначе, оба *хилиарха* выполняют функцию посредника между царем и его посетителями в процессе аудиенции. Как можно заметить, в их обязанности входили инструктаж об этикете и обычаях персов для прибывших, а также получение информации об их намерениях. Обратившись же к жизнеописанию царя Артаксеркса II за авторством того же Плутарха, мы можем понять, что коммуникация в обратную сторону происходила также через посредничество хилиарха: «Лаконцу Эвклиду, который бывал с ним слишком дерзок, он (царь) передал через одного из хилиархов (τὸν χιλίαρχον): “Ты можешь что угодно говорить, но я-то могу не только говорить, а и делать”»⁵ (Plut. Art. 5). С точностью определить место общения посетителей с *хилиархами* довольно затруднительно, но в целом, кроме последнего случая, где действие происходит во время выезда царя в путешествие или на охоту, эта коммуникация происходит где-то за пределами зала аудиенций, поскольку авторы подчеркивают недоступность царя для прибывшего. И все же все три приведенных отрывка транслируют идею наличия лишь одного *хилиарха*, и ни в одном из них не упоминается о каких-либо других функциях этого должностного лица, кроме посреднической [22, р. 399]. Мы не находим ни у Артабана, ни у Тифравста, ни у последнего неназванного хилиарха никаких связей с военным делом, как и охранительных обязанностей.

Выход из данного противоречия может указать Геродот, который неоднократно касался в своем произведении вопросов доступа к персидскому царю. Наиболее показательной является ситуация с заговором Семи знатных персов против мага Гауматы: «Когда семь [заговорщиков] подошли к [дворцовым] воротам (ἡ πύλη), произошло именно то, что ожидал Дарий. Стража (οἱ φύλακοί) почтительно пропустила знатных персов, совершенно не подозревая их наме-

⁴ Перевод Н.Н. Трухиной.

⁵ Перевод С.П. Маркиша.

рений. Боги вели их, и никто [из стражи] ни о чем их не спрашивал. Так они проникли во двор (ἢ αὐλή), где их встретили евнухи, докладывавшие царю (τὰς ἀγγελίας ἐσφέρουσι εὐνοῦχοισι). Евнухи же стали расспрашивать заговорщиков, что им нужно здесь, и, расспрашивая, осыпали бранью привратников, зачем те пропустили их. Дальше идти евнухи запрещали. А заговорщики, подав друг другу знак, выхватили свои кинжалы и пронзили на месте тех, кто им препятствовал. Сами же бегом устремились в мужские покои (ὁ ἀνδρών) ...услышав шум и крики евнухов, они (маги) бросились назад и, как только поняли, что происходит, взяли за оружие»⁶ (Hdt. III. 76–78). Благодаря приведенным сведениям мы можем попытаться реконструировать многоступенчатую процедуру доступа в покои царя. Сначала посетителей встречала у дворцовых ворот вооруженная охрана, которая, по всей видимости, должна была досматривать их на наличие спрятанного оружия. Однако распространялось это правило, вероятно, лишь на представителей других этносов, поскольку сам Геродот свидетельствует, что персы носили при себе оружие, к примеру кинжал (Hdt. VII. 61), в присутствии царя. Ксенофонт же упоминает, что при встрече с царем персы должны были выставлять руки из своих одежд с длинными рукавами (ἢ κόρη), в противном случае их могла ждать смертная казнь (Xen. Hell. II. 8). Поэтому ситуация, при которой знатные персы прошли во дворец с оружием, видится более правдоподобной, чем может показаться на первый взгляд. Названные же Геродотом стражи у ворот – *филаки* (οἱ φύλακοι) – были *мелофорами*, на что указывает изображение этих стражей на рельефах лестниц тронного зала в Персеполе [27], а следовательно, их командующий, *хилиарх*, должен был быть где-то неподалеку. Можно лишь догадываться, почему историк избегает упоминания о нем. Исходя из общей логики развития событий, которая заключается в том, что ни у кого не возникло каких-либо подозрений в отношении заговорщиков, за исключением евнухов уже внутри дворцовых стен, Геродот попросту мог опустить подробности.

Вторым этапом проверки перед допуском к царю, по всей видимости, были докладчики – αἱ ἀγγελία ἐσφέρουσι εὐνοῦχοισι. И хотя данная фраза больше похожа на характеристику, чем на конкретное наименование должности, далее в той же книге галикарнасский историк сообщает, что после переворота и провозглашения Дария новым царем оставшиеся шестеро знатных персов могли входить к царю на аудиенцию без согласования с *исангиелем* (Hdt. III. 84), или *ангелофором* (ὁ ἀγγελαφόρος) (Hdt. III. 118). Исключением являлась ситуация пребывания царя с женщиной, а нарушение этого правила, как показывает дерзкая выходка Интафрена, каралось смертью (Hdt. III. 118).

Из крайне скудного доступного нам объема информации в рамках древнеперсидской традиции можно проследить следующие функции *исангиеля* при дворе. Во-первых, это встреча желающего лично увидеться с царем, которая происходила у ворот в царский дворец. Намекает на это само постановление о допуске знатных персов: «И существовал закон, что те, которые выступили против мага, должны были иметь доступ к царю без доклада, если не случилось того, что царь находился с женщиной»⁷ (καὶ γὰρ δὴ καὶ ὁ νόμος οὕτω εἶχε, τοῖσι ἐπαναστᾶσι τῷ Μάγῳ ἔσοδον εἶναι παρὰ βασιλέα ἄνευ ἀγγέλου, ἢν μὴ γυναικὶ τυγχάνῃ μισγόμενος

⁶ Перевод Г.А. Стратановского.

⁷ Перевод с древнегреч. наш. – Е. О.

βασιλεύς) (Hdt. III. 118). Во-вторых, *исангилей* должен был быть проинформирован о намерениях посетителя, а уже после принять решение о допуске его к царю. Принимал ли он это решение единолично? Пытавшийся прорваться во дворец Интафрен столкнулся с сопротивлением со стороны не только докладчика, но и привратника (ὁ πυλῶρ), стоявших у ворот. Учитывая тот факт, что поздняя античная традиция объединяет функционал *исангилея* и *хилиарха*, а также принимая во внимание определение *хазарапата* (ὁ ἀζαράπατης) у Гесихия, согласно которому он и есть *исангилей* при персидском дворе, мы можем сформулировать следующую гипотезу: в период правления первых персидских царей до Ксеркса I / Артаксеркса I, а возможно, и на протяжении всей истории Ахеменидов две упомянутые должности никогда не совпадали в отношении исполняемых *хазарапатом* и *исангилеем* обязанностей. Да и сама идея о совмещении одним лицом двух должностей, которые могли противоречить друг другу, кажется нам если не фантастической, то как минимум маловероятной, тем более когда дело касалось вопроса царской безопасности. Подкрепить упомянутую идею может информация Диодора Сицилийского о командующих армией Артаксеркса III в кампании 343–342 гг. до н. э. по присоединению отпавшего Египта (Diod. XVI. 40–65). Так, второй из трех частей разделенной царской армии совместно руководили грек Никострат и *исангелей* царя (ὁ εἰσαγγελεύς τοῦ βασιλέως) Аристазан, а во главе третьей части стоял евнух Багой (XVI. 47. 2-3), которого древнегреческий историк также наделяет титулом *хилиарх* (XVII. 5. 3) [28; 29]. Помимо этого, интерес вызывает и подчеркнутая Диодором иерархия отношений царя и подданных, в которой Аристазан был «самым верным из его (царя) друзей после Багой» (πιστότατος τῶν φίλων μετὰ Βαγῶαν) [26, р. 290]. Ю.В. Корнилов, комментируя приведенную характеристику Аристазана, полагает, что она отражает «иерархию среди хилиархов, поскольку известно, что евнух Багой был хилиархом при Артаксерксе III» [30, с. 169]. Однако ни Диодор, ни другие античные авторы не называют Аристазана *хилиархом*, несмотря на его присутствие в войсках персидского царя. Интерес вызывает также и интерпретация этого сюжета М. Чарльзом, который определяет Аристозана как *исангелея* царя. Исходя из этого исследователь приходит к мысли, что *исангелей* в этом сюжете Диодора не обязательно исполнял обязанности командующего. Эту функцию М. Чарльз отводит греческому наемнику Ментору. О *хилиархе* же автор замечает следующее: «Возможно, хилиарх мог быть *исангилеем* или даже отвечать за них»⁸ [25, р. 290]. На наш взгляд, упомянутое Диодором ранжирование «друзей царя» может быть отражением реальной должностной иерархии в ближнем кругу царских придворных, где *хилиарх* занимал высшую ступень, а *исангилей* – следующую после него. Как следствие, несмотря на все могущество, приписанное хилиарху Диодором, в его понимании обязанности докладчика он не исполнял.

Итак, древнеперсидское слово *хазарапат* полностью соответствует древнегреческому *хилиарх*. Они оба обозначают «командир тысячи», ей являлась элитная гвардия царя (*мелофоры*). Ее основной задачей была охрана дворца как от внутренних, так и от внешних угроз. *Хилиарх* же был ответственным в первую очередь за безопасность жизни Великого царя и находился при нем как в мирное, так и в военное время. Однако исключать возможность наличия прочих *хилиар-*

⁸ Перевод с англ. наш. – Е. О.

хов было бы поспешным решением. Думается, что высоким статусом в придворной иерархии обладал только дворцовый *хилиарх* – самый доверенный и приближенный к царю человек вследствие выполняемых им обязанностей. В войсках также были свои *хилиархи*, каждый из которых был ответственен за свою тысячу воинов. Не отвергаем мы и идею о том, что была отдельная *хилиархия* конницы (συγγενεῖς ἰπλεῖς), но данный вопрос требует более пристального рассмотрения.

Кроме того, на определенном этапе античной письменной традиции происходит трансформация в восприятии этой должности: помимо военного контекста деятельность хилиарха начинает подразумевать и придворно-административную сферу, в рамках которой хилиарх начинает выполнять функции докладчика (ὁ εἰσαγγελεύς), являвшегося, по факту, проводником в процессе аудиенции и информатором царя о посетителях. Вероятно, именно *исангилей* озвучивал окончательное решение о допуске посетителя в присутствии царя, убедившись, что первый будет вести себя в рамках этикета и персидских обычаев (к примеру, совершение *проскинесиса*), в то время как глава стражи *хилиарх*, находившийся рядом с *исангилеем*, должен был удостовериться в благонадежности прибывшего.

О существенном же влиянии *хилиарха* на придворную жизнь и политику царя можно говорить с осторожностью. Безусловно, каждый *хилиарх* в той или иной степени обладал своими амбициями, определенной лояльностью и связями при дворе. Уже начиная с Ктесия Книдского, в источниках приводится все больше рассказов о политических интригах, в которые был вовлечен *хилиарх*, и о его неоспоримом авторитете, возвышающем его чуть ли не до второго после царя места в придворной иерархии. Безусловно, ответственность за жизнь царя влияла на его положение и близость к монарху, но в случае каждой удачной или неудачной попытки переворота мы имеем дело с конкретными историческими обстоятельствами и сложными человеческими отношениями. Поскольку данный титул сохранил свою высокую значимость в иерархии как при парфянских, так и при первых сасанидских царях, о чем могут свидетельствовать источники [16, р. 139–145], мы полагаем, что подавляющее большинство *хилиархов*, вышедших из военной среды и неоднократно доказывавших свою дисциплину и верность, вряд ли стремились к реализации политических амбиций, чем на столетия «укоренили» должность *хилиарха* в истории Ирана. Однако нельзя забывать и о том, что высокое положение *хилиарха* предоставляло ему всю широту возможностей для реализации его личных политических амбиций. Достаточно красноречивы в данном случае заговоры *хилиарха* Артабана, совершившего убийство Ксеркса I в 465 г. до н. э. (Ctes, *FGrH*. 688. F15.48; Diod. XI. 69.1–2), и *хилиарха* Багоя против Артаксеркса III и его приемника Арсеса в 338 г. до н. э. (Diod. XVII. 5. 3–4) [28].

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Aesch. Pers. – *Эсхил. Персы* // Эсхил. Трагедии / Пер. с древнегреч. С.К. Апта. М.: Искусство, 1978. С. 49–90.
- Arr. Anab. – *Арриан Флавий. Поход Александра* / Пер. М.Е. Сергеенко. М.: Миф, 1993. 272 с.
- Ctes. – *Ctesias. Persian History. Part I: Introduction Text and Translation* / Ed. by J.P. Stronk. Düsseldorf: Wellem Verlag, 2010. 422 p.

- Curt. – *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Пер. с лат. К.А. Морозовой и И.А. Мироновой (кн. III), В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского (кн. IV–V, IX–X), И.А. Мироновой (кн. VI), Д.А. Дрбоглава (кн. VII), А.Ч. Козаржевского (кн. VIII) под ред. В.С. Соколова. М.: Изд-во МГУ, 1963. 478 с.
- Diod. – *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека: в 3 т. / Пер. с древнегреч. Э.Д. Фролова. М.: Рубежи XXI, 2021. Т. 1. 456 с. Т. 2. 453 с. Т. 3. 594 с.
- FGrH. – *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker*: 4 Bd. Berlin: Weidmann, 1923–1958.
- Hdt. – *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Hesych. – *Hesychii Alexandrini Lexicon: volumen I: A-Δ*. / Ed. by K. Latte, I.C. Cunningham. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. 660 p.
- Plut. Art. – *Плутарх*. Артаксеркс / Пер. С.П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 474–506.
- Plut. Them. – *Плутарх*. Фемистокл / Пер. С.И. Соболевского // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 114–132.
- Polyaen – *Полиэн*. Стратегемы / Пер. И.В. Косинцевой; под общ. ред. А.К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. 606 с.
- Xen. Cyr. – *Ксенофонт*. Киропедия / Изд. подгот., [пер., примеч., составил В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов]. М.: Наука, 1976. 334 с.
- Xen. Hell. – *Ксенофонт*. Греческая история / Пер. с древнегреч. и коммент. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 1993. 443 с.

Литература

1. *Shayegan M.R. Hazārbed* // Encyclopaedia Iranica online. 2003. URL: <https://iranicaonline.org/articles/hazarbed>, свободный.
2. *Gignoux P. Chiliarch* // Encyclopaedia Iranica online. 1991. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/chiliarch>, свободный.
3. *Баулина Е.Ю., Гоман Ю.А.* Особенности титула «хазарапат» и основные принципы восхождения к ахеменидским придворным церемониалам // Беларусь и культурное наследие древности и средневековья: материалы междунар. науч. конф., приуроч. к годовщине подписания Пакта Рериха, Минск, 15 апр. 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 14–21.
4. *Cook J.M. The Persian Empire*. New York, NY: Schocken Books, 1983. vii, 275 p.
5. *Benveniste E. Titres et nomes propres en iranien ancien* // Travaux de l'Institut d'Études Iraniennes de l'Université de Paris. V. I. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1966. P. 66–72.
6. *Briant P., Daniels P.T. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2002. 1216 p. <https://doi.org/10.5325/j.ctv1bxgwdk>.
7. *Olmstead A.T. History of the Persian Empire*. Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1948. xxxii, 568 p.
8. *Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE*. Ser.: Debates and Documents in Ancient History. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013. xxix, 258 p.
9. *Junge P.J. Hazarapatiš* // *Klio*. 1940. V. 33, No 1-4. P. 13–38. <https://doi.org/10.1515/klio-1940-1-403>.
10. *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. 319 с.

11. *Justi F.* Der Chiliarch des Dareios // *Z. Dtschen Morgenl. Ges.* 1896. Bd. 50, H. 4. S. 659–664.
12. *Briant P.* Sources gréco-hellénistiques, institutions perses et makédoniennes: continuités, changements et bricolages // *Achaemenid History. Vol. VIII: Continuity and change: Proc. Last Achaemenid History Workshop, Apr. 6–8, 1990, Ann Arbor, MI* / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg, A. Khurt, M.C. Root. Leiden: Neth. Inst. Near East, 1994. P. 283–310.
13. *Schmidt E.F.* Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions. Ser.: Oriental Institute Publications. V. 68. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1953. xxix, 297 p., 205 plates.
14. *Keaveney A.* The Chiliarch and the Person of the King // *Der Achämenidenhof. The Achaemenid Court: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema «Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen», Mai 23–25, 2007* / Ed. by B. Jacobs, R. Rollinger. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 499–509.
15. *Rollinger R., Wiesehöfer J.* Königlicher Haushalt, Residenz und Hof: Der Persische König und sein Palast. Auch ein Beitrag zur Umwelt des Alten Testaments // *Sprachen – Bilder – Klänge. Dimensionen der Theologie im Alten Testament und in seinem Umfeld. Festschrift für Rüdiger Bartelmus zu seinem 65. Geburtstag* / Hrsg. von C. Karrer-Grube, J. Krispenz, T. Krüger, C. Rose, A. Schellenberg. Ser.: *Alter Orient und Altes Testament*. Bd. 359. Münster: Ugarit-Verlag, 2009. S. 213–226.
16. *Chaumont M.-L.* Chiliarque et Curopalate à la cour des Sassanides // *Iran. Antiq.* 1973. V. 10. P. 139–165.
17. *Wiesehöfer J.* Die „Freunde“ und „Wohltäter“ des Großkönigs // *Stud. Iran.* 1980. Bd. 9. S. 7–21.
18. *Wiesehöfer J.* Gift-giving ii. In *Pre-Islamic Persia* // *Encyclopaedia Iranica online*. 2011. URL: <https://iranicaonline.org/articles/gift-giving-ii>, свободный.
19. *Tuplin C.* The administration of the Achaemenid Empire // *Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires: Proc. 9th Oxford Symp. on Coinage and Monetary History* / Ed. by I. Carradice. *BAR International Ser.* V. 343. Oxford: Br. Archaeol. Rep., 1987. P. 109–166.
20. *Wiesehöfer J.* Das antike Persien: von 550 v. Chr. bis 650 n. Chr. München: Artemis & Winkler, 1994. 426 S.
21. *Meeus A.* Some institutional problems concerning the succession to Alexander the Great: “Prostasia” and chiliarchy // *Historia*. 2009. V. 58, No 3. P. 287–310. <https://doi.org/10.25162/historia-2009-0016>.
22. *Charles M.B.* The Achaemenid Chiliarch par excellence: Commander of guard infantry, cavalry or both? // *Historia*. 2016. V. 65, No 4. P. 392–412. <https://doi.org/10.25162/historia-2016-0020>.
23. *Кошеленко Г.А., Гаубов В.А.* Судьбы сатрапов Востока. Эпоха Александра Македонского // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2007. № 17. С. 202–222.
24. *Lewis D.M.* Sparta and Persia: Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen. Ser.: *Cincinnati Classical Studies*. V. 1. Leiden: Brill, 1977. 168 p.
25. *Collins A.* Alexander and the Persian court chiliarchy // *Historia*. 2012. V. 61, No 2. P. 159–167. <https://doi.org/10.25162/historia-2012-0009>.
26. *Charles M.* The chiliarchs of Achaemenid Persia: Towards a revised understanding of the office // *Phoenix*. 2015. V. 69, No 3–4. P. 279–303. <https://doi.org/10.1353/phx.2015.0043>.
27. *Brosius M.* New out of old? Court and court ceremonies in Achaemenid Persia // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies* / Ed. by A.J.S. Spawforth. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2007. P. 17–57. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511482939.002>.

28. Charles M.B., *Anagnostou-Laoutides E.* Curtius 6, 5, 22–3, Darius III and the eunuch Bagoas // *Rheinisches Museum für Philologie*. 2018. V. 161. P. 166–183.
29. Рунг Э.В., Орлов В.П. «Полудержавный властелин»: евнух Багой в истории Ахеменидской империи // *Вестник древней истории*. 2021. Т. 81, № 3. С. 590–614. <https://doi.org/10.31857/S032103910010618-2>.
30. Корнилов Ю.В. Ориентализм в идеологии и политике Александра Великого: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 230 с.

Поступила в редакцию 20.03.2024

Принята к публикации 15.05.2024

Онищенко Евгений Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: zhenya.onichenko1996@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 48–63

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.48-63

Hazarapatiš in the Achaemenid Empire: A Commander or Usher?

E.S. Onischenko

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: zhenya.onichenko1996@mail.ru

Received March 20, 2024; Accepted May 15, 2024

Abstract

This article explores the official duties of the *hazarapat* (*hazarapatiš*) at the court of the Achaemenid kings and defines the relationship between the terms *chiliarch* (χιλίαρχος) and *isangeleus* (εἰσαγγελεύς), both used for this Persian title, in the evolution of the ancient written tradition. Ancient Greek authors, up to Ctesias of Cnidus, discussed the *chiliarch* only in the military context. In later periods, it was increasingly perceived as both the Persian king's bodyguard and the *isangeleus* at court ceremonies, thus implying broad political powers. In reality, the *chiliarch* never combined these two duties. He remained the commander of his military unit, which consisted of a thousand of men, and apparently checked the reliability of royal visitors before audiences. The *isangeleus*, another royal courtier, was responsible for informing the king about the intentions of visitors, as well as for guiding their adherence to Persian etiquette and customs.

Keywords: Achaemenid Empire, *hazarapat*, *chiliarch*, *isangeleus*, Achaemenid court, ancient Persian audiences

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Shayegan M.R. Hazārbed. *Encyclopaedia Iranica online*, 2003. URL: <https://iranicaonline.org/articles/hazarbed>.
2. Gignoux P. Chiliarch. *Encyclopaedia Iranica online*. 1991. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/chiliarch>.

3. Baulina E.Yu., Homan Yu.A. Features of the title “hazarapet” and the basic principles of respect for the Achaemenid court ceremonies. *Belarus' i kul'turnoe nasledie drevnosti i srednevekov'ya: materialy mezhdunar. nauch. konf., priuroch. k godovshchine podpisaniya Pakta Rerikha, Minsk, 15 apr. 2021 g.* [Belarus and the Cultural Heritage of Antiquity and the Middle Ages: Proc. Int. Sci. Conf. Celebrating the Anniversary of the Roerich Pact Sign, Minsk, Apr. 15, 2021]. Minsk, BGU, 2021, pp. 14–21. (In Russian)
4. Cook J.M. *The Persian Empire*. New York, NY, Schocken Books, 1983. vii, 275 p.
5. Benveniste E. Titres et nomes propres en iranien ancien. In: *Travaux de l'Institut d'Études Iraniennes de l'Université de Paris*. Vol. I. Paris, Librairie C. Klincksieck, 1966, pp. 66–72. (In French)
6. Briant P. *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake, IN, Eisenbrauns, 2002. 1216 p. <https://doi.org/10.5325/j.ctv1bxgwdk>.
7. Olmstead A.T. *History of the Persian Empire*. Chicago, London: Univ. Chicago Press, 1948. xxxii, 568 p.
8. Llewellyn-Jones L. *King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE*. Ser.: Debates and Documents in Ancient History. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2013. xxix, 258 p.
9. Junge P.J. Hazarapatiš. *Klio*, vol. 33, nos. 1–4, pp. 13–38. <https://doi.org/10.1515/klio-1940-1-403>.
10. Dandamaev M.A. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoi derzhavy* [The Political History of the Achaemenid Empire]. Moscow, Nauka, 1985. 319 p. (In Russian)
11. Justi F. Der Chiliarch des Dareios. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1896, Bd. 50, H. 4, S. 659–664. (In German)
12. Briant P. Sources gréco-hellénistiques, institutions perses et makédoniennes: continuités, changements et bricolages. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Khurt, M.C. Root (Eds.) *Achaemenid History*. Vol. VIII: Continuity and change: Proc. Last Achaemenid History Workshop, Apr. 6–8, 1990, Ann Arbor, MI. Leiden, Neth. Inst. Near East, 1994. pp. 283–310. (In French)
13. Schmidt E.F. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Ser.: Oriental Institute Publications. Vol. 68. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 1953. xxix, 297 p., 205 plates.
14. Keaveney A. The chiliarch and the person of the king. *Der Achämenidenhof. The Achaemenid Court: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema „Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen“*, Mai 23–25, 2007. Jacobs B., Rollinger R. (Eds.). Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2010, pp. 499–509.
15. Rollinger R., Wiesehöfer J. Königlicher Haushalt, Residenz und Hof: Der Persische König und sein Palast. Auch ein Beitrag zur Umwelt des Alten Testaments. In: Karrer-Grube C., Krispenz J., Krüger T., Rose C., Schellenberg A. (Hrsg.) *Sprachen – Bilder – Klänge. Dimensionen der Theologie im Alten Testament und in seinem Umfeld. Festschrift für Rüdiger Bartelmus zu seinem 65. Geburtstag*. Ser.: Alter Orient und Altes Testament. Bd. 359. Münster, Ugarit-Verlag, 2009, S. 213–226. (In German)
16. Chaumont M.-L. Chiliarque et curopalate à la cour des Sassanides. *Iranica Antiqua*, 1973, vol. 10, pp. 139–165. (In French)
17. Wiesehöfer J. Die “Freunde” und “Wohltäter” des Großkönigs. *Studia Iranica*, 1980, Bd. 9, S. 7–21. (In German)
18. Wiesehöfer J. Gift-giving ii. In Pre-Islamic Persia. *Encyclopaedia Iranica online*. 2011. URL: <https://iranicaonline.org/articles/gift-giving-ii>.
19. Tuplin C. The administration of the Achaemenid Empire. *Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires: Proc. 9th Oxford Symp. on Coinage and Monetary History*. Carradice I. (Ed.). BAR International Ser. Vol. 343. Oxford, Br. Archaeol. Rep., 1987, pp. 109–166.
20. Wiesehöfer J. *Das antike Persien: von 550 v. Chr. bis 650 n. Chr.* München, Artemis & Winkler, 1994. 426 S. (In German)
21. Meeus A. Some institutional problems concerning the succession to Alexander the Great: “Prostasia” and chiliarchy. *Historia*, 2009, vol. 58, no. 3, pp. 287–310. <https://doi.org/10.25162/historia-2009-0016>.
22. Charles M.B. The Achaemenid Chiliarch par excellence: Commander of guard infantry, cavalry or both? *Historia*, 2016, vol. 65, no. 4. pp. 392–412. <https://doi.org/10.25162/historia-2016-0020>.

23. Koshelenko G.A., Gaibov V.A. The destiny of the satraps of the East. The epoch of Alexander the Great. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*, 2007, no. 17, pp. 202–222. (In Russian)
24. Lewis D.M. *Sparta and Persia: Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen*. Ser.: Cincinnati Classical Studies. Vol. 1. Leiden, Brill, 1977. 168 p.
25. Collins A. Alexander and the Persian court chiliarchy. *Historia*, 2012, vol. 61, no. 2, pp. 159–167. <https://doi.org/10.25162/historia-2012-0009>.
26. Charles M. The chiliarchs of Achaemenid Persia: Towards a revised understanding of the office. *Phoenix*, 2015, vol. 69, nos. 3–4, pp. 279–303. <https://doi.org/10.1353/phx.2015.0043>.
27. Brosius M. New out of old? Court and court ceremonies in Achaemenid Persia. In: A.J.S. Spawforth (Ed.). *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2007, pp. 17–57. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511482939.002>.
28. Charles M.B., Anagnostou-Laoutides E. Curtius 6, 5, 22–3, Darius III and the eunuch Bagoas. *Rheinisches Mus. Philol.*, 2018, vol. 161, pp. 166–183.
29. Rung E.V., Orlov V.P. “The mighty, quasi-sovereign”: eunuch Bagoas in the history of the Achaemonid Empire. *Vestnik Drevnei Istorii*, 2021, vol. 81, no. 3, pp. 590–614. <https://doi.org/10.31857/S032103910010618-2>. (In Russian)
30. Kornilov Yu.V. Orientalism in the ideology and politics of Alexander the Great. *Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2017. 230 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Онищенко Е.С. Хазарапат в империи Ахеменидов: тысяченачальник или докладчик? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 48–63. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.48-63>. ⟩

⟨ **For citation:** Onishchenko E.S. Hazarapatiš in the Achaemenid Empire: A commander or usher? *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 48–63. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.48-63>. (In Russian) ⟩